

Тяга к литературному творчеству обрела своё материальное воплощение: в 1928 году отец опубликовал в «Таганрогской правде» свой первый рассказ «Глубокая борозда» (под псевдонимом Валентин Азовский), а через год в газете «Беднота» – рассказ «Савельев» (под псевдонимом Валентин Буревой). Коммунары передавали газеты из рук в руки и удивлялись совпадениям: «будто бы про нас написано», – не подозревая, что автор – их председатель...

В 1932 году отца направляют на Кубань, где он работал сначала заместителем председателя Райколхозсоюза, затем заведующим орготдела райкома партии. Годы работы «по велению партии» отец вспоминал как кошмарный сон: «Были у меня idiotские должности – зав. культотделом, предгорсовпрофа.... Изнывал. Не спал неделями – поверите ли?... Только на фронте, в бою после было такое. Почему не спал? Земля звала... «Власть земли»?.. Да, но не такая. Не то чтобы иметь её. А просто – иметь право делать»...

Осенью 1933 года отца перевели в Кисловодск председателем городского совета профсоюзов. Там он столкнулся с махровым жульём и откровенным, беззастенчивым воровством. Понял, что как можно скорее надо бежать оттуда, пока самого не подставили и не посадили. Через год окончательно порвал с бюрократическими должностями и ушёл в ростовскую газету «Молот» разъездным корреспондентом, а в конце 1935 года продолжил журналистскую работу в другой ростовской газете «Колхозная правда»...

...Война застала нашу семью на Кубани в станице Родниковской, где отец оставил журналистику и перешёл на вольные писательские хлеба.

Так уж случилось, что моя бабушка родила именно 22 июня своего младшего Валюшку, моего отца. Откуда ей было знать, какой чёрной датой для России станет этот день? А в тот день в далеком 41-ом родители накрыли стол, созвали друзей-станичников на семейное торжество – и вдруг по радио, как гром среди ясного неба: война. Запричитали, заохали женщины, смолкли мужчины. Приняли без тоста «на посошок» и, не притронувшись к закуске, направились напрямиком в военкомат. «Ждите, – отвечал офицер из моботдела, – команда ещё не поступала. Когда надо будет, мы вас вызовем». Ждать долго не пришлось – поодиночке и группами вырывали мужчин из семей военкоматские повестки, увозили грузовики кормильцев под

Валентин Овечкин с сыном Валерием

слёзы матерей, жён и детей. А отцу повестку не слали. Чуть ли не каждый день наведывался он в военкомат, и каждый раз слышал один и тот же ответ: «На вашу учётную специальность нет разнарядки». Возвращался, шёл к дому через всю станицу, а из палисадников глядели на него с укором соломенные вдовы. Рассказывал отец уже после войны:

– Ощущение было такое, будто прохожу сквозь строй. Сгорал от стыда. А ведь уже начали приходить похоронки...

Летом 42-го немцы вышибли наши войска из Крыма, редакция газеты спешно эвакуировалась на стареньком «Дугласе». Лётчики то ли спяну, то ли с перепуга забыли дозаправиться, и самолёт, едва перелетев Керченский пролив, рухнул в камыши на брюхо. Стукнулись крепко, но чудом остались в живых, хотя отец получил контузию – лёгкое сотрясение и сильный ушиб поясницы. Из таманских плавней выбирались пешком – напрямиком в пункт перестроения, это такое армейское «чистилище».

Во время спешной эвакуации главный редактор газеты запаниковал и трусливо сбежал на «виллисе», бросив всё на произвол судьбы – редакционные архивы, имущество, технику и, главное, сотрудников редакции. На таманской земле отец высказал редактору всё, что он о нём думает, и ушёл из газеты – по собственному желанию, но с прекрасной партийной характеристикой.

... Киевский период сохранился в моей памяти неплохо, хотя и фрагментарно. Помню пустую квартиру, помню вид из окна на деревянный дом – красивый резной терем, а из другого окна – на широкую улицу, по которой водили на стройку колонну пленных немцев в окружении конвоя автоматчиков с собаками. Помню, как прохожие останавливались и молча смотрели на немцев.

Помню ощущение перманентного голода. Мама после всех перипетий эвакуации слегла в больницу с истощением. Врачи требовали одного – усиленного питания...

На отца свалились и женские заботы...

Он поздно приходил из редакции, когда я уже засыпал. А по ночам он работал, примостившись к маленькому самодельному столу, работал над повестью «С фронтовым приветом», первым крупным своим произведением...

Позднее он выехал в Москву, разыскал Фадеева и оставил свою рукопись. Из Москвы написал в письме жене:

«Повесть прочитали Фадеев и ещё ряд московских писателей, и все говорят, что это – большое событие в литературе. Исключительный интерес к повести проявил сам Фадеев...»

...Львовский период жизни оказался для отца судьбоносным. Здесь он положил начало циклу очерков под общим названием «Районные будни». Наступал его звёздный час, которому предшествовал упорный труд и жаркие баталии. Раздумья писательские ложились на бумагу в литературной форме, а произносились публично на районной партконференции резко и честно.

В курском альманахе, куда отец отнёс «Районные будни», ответили отказом. Ни одно московское издательство и ни один журнал, куда отец разослал рукописи, «Будни» не принял. Отговорки разные: «не ко времени», «слишком остро, цензура не пропустит», «не вписывается в планы издательства», а причина одна – нехватка смелости. Сталин ещё жив, а до хрущёвской оттепели далеко.

Рискнул Твардовский. Кто-то посоветовал отцу предложить работу «Новому миру»... На Твардовского этот не-